

УДК 94 (47).083+929

Е.Ф. Азеф: агент или провокатор?

М.Г. Тарасов^a, А.А. Евстратчик^b

Сибирский федеральный университет, пр. Свободный 82, Красноярск, Россия

^atmg.nauka@yandex.ru, ^bg2010annit-95@yandex.ru

Статья поступила 21.04.2017, принята 4.09.2017

В статье анализируется деятельность российского революционера, секретного агента Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи Е.Ф. Азефа. Ставится вопрос о том, являлся ли Азеф агентом-провокатором. Рассматривается значение провокаторства для политического сыска Российской империи конца XIX — начала XX вв. Делается вывод о том, что дело Е.Ф. Азефа стало кульминацией применения правоохранными органами политической провокации как метода борьбы с революционным движением и показало его вред для государства и общества в целом.

Ключевые слова: Е.Ф. Азеф; политическая полиция; агент-провокатор; партия социалистов-революционеров; революционное движение; провокация; боевая организация.

E.F. Azef: agent or provocateur?

M.G. Tarasov^a, A.A. Evstratchik^b

Siberian Federal University; 82, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russia

^atmg.nauka@yandex.ru, ^bg2010annit-95@yandex.ru

Received 21.04.2017, accepted 4.09.2017

The paper analyzes the activities of the Russian revolutionary, secret agent of the Police Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire, E.F. Azef. The question is raised whether Azef was a provocateur agent. The importance of provocation for the political investigation of the Russian Empire of the late XIX - early XX centuries is considered. It is concluded that the case of E.F. Azef was the culmination of the use by law enforcement agencies of political provocation as a method of fighting the revolutionary movement and showed its harm to the state and society as a whole.

Key words: E.F. Azef; political police; provocateur agent; the Socialist-Revolutionary Party; revolutionary movement; provocation; military organization.

Личность Е.Ф. Азефа, члена ЦК ПСР (партии социалистов-революционеров), главы ее боевой организации, занимает яркую страницу в истории политического сыска России, а также в истории революционного движения и партии эсеров в частности. Его имя обычно ассоциируется с предательством и беспринципностью. Как выяснилось в 1908 г., помимо своих высоких должностей в партии он также на протяжении 16 лет был секретным сотрудником Департамента полиции. Но Азеф не был обычным шпионом, для того чтобы поддерживать свой авторитет и доверие к себе в партии он активно

участвовал в государственных преступлениях и, более того, зачастую выступал их инициатором.

Тем не менее, в отечественной историографии сложилось противоречивое мнение об Азефе. В дореволюционной и советской историографии оно едино — это предатель, двойной агент, политический преступник. Также отечественные историки сходятся в том, что полиции было изначально известно о преступной деятельности Азефа (В.Л. Бурцев, П.Е. Павлов, В.М. Жухрай, Ф.М. Лурье, А.В. Лучинская, П.Е. Щеголев [1–6]). В постсоветской и современной зарубежной

историографии начинает звучать мысль о том, что Азеф являлся обычным рядовым внутренним агентом, и о его роли в партии полиция ничего не знала и знать не могла (А. Гейфман, Ю.Ф. Овченко, Л.Г. Прайсман [7–9]). Эта проблема в связи с возникшими в 1990-е гг. изменениями в исторической науке получила значительное распространение. Вопрос о действительной роли секретного агента не утратил своей *актуальности* по нескольким причинам:

1. От того, был ли Азеф предателем обеих сторон (т. е. если полиция не знала о его роли в партии и его непосредственном руководстве террористическими актами) или же полиция было известно обо всем, что совершал Азеф, сильно зависит престиж самой полиции. Дело Азефа стало «черным пятном» в истории правоохранительных органов и вполне естественно, что от него хотят избавиться. Оправданно ли это?

2. От того, как рассматривать дело Азефа, также зависит и то, какое место будет отводиться провокации в политическом сыске конца XIX — начала XX вв.: занимал ли он ведущую роль и дело Азефа стало кульминационным или же полиция применяла провокацию умеренно?

3. Дело Азефа помогает понять сущность провокации как метода и определить его значение для государства — положительное, нейтральное или отрицательное.

Таким образом, *цель данной работы* состоит в том, чтобы путем анализа деятельности Евно Азефа определить ее значение как для партии социалистов-революционеров, так и для государства. Была ли его роль больше положительной, чем отрицательной, для политического сыска? И действительно ли полиция не знала о том, кто такой Азеф в партии эсеров, и была уверена, что он всего лишь рядовой сотрудник?

Евно Фишелевич Азеф, известный также под кличками Иван Раскин, Виноградов, Толстый, Иван Николаевич, родился в 1869 г. в еврейской семье бедного портного. Детство, проведенное в нищете, постоянная нужда толкнули Азефа в 1892 г. на его первое преступление: взяв у ростовского коммерсанта под реализацию масло, он продал его

на сумму 800 р. и, присвоив эти деньги, бежал за границу [10]. В Германии, в Карлсруэ, он поступил в Политехникум. На это же время приходятся его первые контакты с департаментом полиции. С 1893 г. Азеф начинает свой путь как секретный сотрудник [11]. С 1892 по 1895 гг. он состоял в социал-демократическом кружке в Карлсруэ, в 1895 г. присоединился к малочисленному «Союзу социалистов-революционеров», затем в 1899 г. примкнул к «Северному союзу социалистов-революционеров». Таким образом, Азеф стал работником полиции раньше, чем революционером, если не задаваться вопросом, насколько вообще применимо к нему это слово. До 1895 г. или даже до 1899 г. Азеф не принадлежал ни к одному революционному течению. Он метался от кружка к кружку и не был ни социал-демократом, ни социалистом-революционером. Лишь после 1899 г., когда он начал играть активную роль в кружке А.А. Аргунова, а впоследствии стал одним из основателей партии эсеров, можно говорить, что он встал на революционный путь. Этот факт дает ответ на вопрос, обсуждающийся в работах современных историков (А. Гейфман [12], Л.Г. Прайсман): был ли Азеф больше революционером или все же агентом полиции? Очевидно, он не служил ни тем, ни другим, но если рассуждать объективно, надо полагать, что путь агента был выбран им раньше, чем путь революционера. Из социал-демократического кружка, а затем и из «Союза социалистов-революционеров» он ушел, потому что они представляли небольшой интерес для органов охраны, а значит, и Азеф утрачивал свою необходимость. Рост заработной платы от полиции неизменно сопровождался его взлетом в партии. Заработная плата не зависела от положения Азефа в партии, однако всегда совпадало так, что после крупного дела, раскрытого полицией при его содействии, он начинал играть в партии еще более важную роль, и его авторитет повышался.

До тех пор, пока Азеф не приобрел влияния в партии, его деятельность не носила характера провокации. Он был обычным информатором. Это вполне логично объясняется тем фактом, что провокатором может

быть лишь тот человек, который может спровоцировать, а для этого необходимо иметь влияние на других. Оставаясь рядовым членом партии, можно быть осведомителем, не больше. Только после того, как Азеф стал видной фигурой в «Северном союзе социалистов-революционеров» и смог поставлять более ценные сведения, он начинает свою провокаторскую деятельность.

Первым его делом на этом пути стала Томская типография социалистов-революционеров. Азеф знал о существовании печатного станка, спрятанного эсерами где-то в Финляндии, который был в нерабочем со-

стоянии. Аргунов жаловался Азефу, что для работы типографии не хватает вала, на что последний обязался его доставить. Как знать, возможно, типография Аргунова не заработала бы никогда, возможно, за это время малочисленный аргуновский кружок распался бы, если бы не Азеф и его предприимчивый шеф С.В. Зубатов, начальник Московского охранного отделения. При помощи охранного отделения вал был изготовлен, типография по настоянию Азефа была перевезена О.Н. Антиох-Вербицкой в Томск, где начала свою непродолжительную работу (до сентября 1901 г.) [13].

Изменение агентского жалования и положения в партии Е.Ф. Азефа

Годы	Оклад агента в месяц	Место в партии
1892–1899	50 р.	Рядовой член социал-демократического кружка (1892–1895), рядовой член малочисленного «Союза социалистов-революционеров»
1899–январь 1900	100 р.	Начал играть более заметную роль в «Союзе социалистов-революционеров» благодаря установлению хороших отношений с основателем «Союза...» Х. Житловским. Вступил в «Северный союз социалистов-революционеров»
Январь 1900–сентябрь 1901	150 р.	Активная деятельность в «Северном союзе...» А. Аргунова
Сентябрь 1901–1905	500 р.	Участие в объединении многочисленных кружков социалистов-революционеров в единую партию наряду с видными деятелями «Союза...». Возглавил боевую организацию партии эсеров, вошел в состав ЦК партии и сам формировал его. Играл ведущую роль в партии
1905–1908	1 000 р.	Азеф — один из руководителей партии. Авторитет к нему непоколебим, так как он — организатор множества терактов. Это период расцвета террористической деятельности Азефа

Источник: Николаевский Б.И. История одного предателя. — М., Высшая школа, 1991. — С. 47, 48, 56, 185.

Таких случаев было много: полицейские сами организовывали типографии и сами их раскрывали. Так, например, А.В. Герасимов, начальник Петербургского охранного отделения, вспоминал: «В этот мой приезд в очередной беседе, в которой участвовали Зубатов и Медников, последний мне сказал: “Вы ничего не делаете там. Ни одной тайной типографии не открыли. Возьмите пример с соседней Екатеринославской губернии: там ротмистр Кременецкий каждый год 3–4 типографии арестовывает”. Меня это заявление прямо взорвало. Для нас не было секретом, что Кременецкий сам через своих аген-

тов устраивал эти нелегальные типографии, давая для них шрифт, деньги и прочее [14]».

Феномен Азефа заключается в другом: до него террор не был систематическим. Лишь после создания боевой организации эсеров в 1902 г. террор стал центральным и был возведен в систему, до этого он носил индивидуальный характер [15]. Когда Азеф состоял в «Северном союзе...», он постоянно выставлял себя сторонником немедленного перехода к террору. В то время социалисты-революционеры еще откладывали террор на будущее, не решаясь его начать. Таким об-

разом, полиция с помощью Азефа сама взрстила террор.

В конце 1901 г. Зубатов отпустил на свободу революционеров М.Р. Гоца, Е.К. Брешко-Брешковскую, Г.А. Гершуни и В.И. Чернова. Эмигрировав в Западную Европу, они совместно с Азефом занялись объединением всех мелких кружков социалистов-революционеров в партию. Так Азеф стал одним из идейных руководителей будущей партии социалистов-революционеров.

В 1902 г. боевая организация партии социалистов-революционеров (БО ПСР) организовала убийство министра внутренних дел Д.С. Сипягина, после которого Азеф сообщил полиции о существовании в партии БО. После ареста Гершуни в 1903 г. Азеф встал во главе боевой организации.

Таким образом, очередное предательство возвысило его в партии. На его совести лежит осуществление в период с 1905 по 1908 гг. подготовки убийств министра внутренних дел Д.С. Сипягина, уфимского генерал-губернатора Н.М. Богдановича, министра внутренних дел В.К. фон Плеве, командующего Черноморским флотом Г.П. Чухнина, генерал-майора Г.А. Мина, великого князя Сергея Александровича; покушений на К.П. Победоносцева, харьковского генерал-губернатора князя И.М. Оболенского, иркутского генерал-губернатора графа П.И. Кутайсова, киевского генерал-губернатора Н.В. Клейгельса, против бакинского генерал-губернатора князя М.А. Накашидзе, адмирала Ф.В. Дубасова и т. д.

Азеф сдавал полиции больше половины готовящихся боевой организацией дел. Благодаря этому многие из них так и остались только покушениями, а часть убийств, как, например, убийство Плеве, осуществилась не с первой попытки, хотя, казалось, у партии были все средства и досконально продуманные планы. Однако авторитет Е.Ф. Азефа рос. Отчего так происходило? Дело в том, что Азеф лично участвовал в подготовке всех покушений и убийств, без него как главы боевой организации не мог быть проведен ни один террористический акт, поэтому, если покушения удавались, революционеры начинали еще больше восхищаться

своим руководителем, если же нет, то неудача сплавивала их еще сильнее вокруг него. Никто не мог и подумать, что идейный вдохновитель и организатор терактов сам будет открывать их полиции. Вот почему люди верили ему еще больше — они видели в нем опору как в сильном лидере. Е.Ф. Азеф тем временем убивал двух зайцев — повышал авторитет в партии и доверие к своей персоне в полиции, в связи с последним росло и его жалование.

Действительно ли непосредственные начальники Азефа не знали о том, что он лично возглавлял боевую организацию? Можно ли предположить, что люди, чьей профессией было не доверять и проверять, наивно полагали, что Азеф получал все ценные сведения (с каждым годом они становились все более подробными) со слов товарищей по партии, а к активным террористическим действиям партии не имел ни малейшей причастности? Это маловероятно. Добавляет сомнений и тот факт, что полиция никогда не держала в партии одного агента, их всегда было несколько. Так, например, помимо Азефа в партии социалистов-революционеров одновременно с ним работали З.Ф. Жученко-Генгросс и Н.Ю. Татаров. И если последний был завербован охранным отделением во время ареста, то Жученко была убежденной монархисткой и сама поступила на службу в полицию. Навряд ли они не донесли бы, кто есть кто в партии.

Кульминацией провокаторской деятельности Азефа стал организованный им провал северного летучего боевого отряда в 1908 г. Этот отряд, сосредоточивший все силы на покушении на великого князя Николая Николаевича, был захвачен 7 февраля 1908 г. в полном составе.

В этом же году расследование по выявлению в партии эсеров крупного провокатора начинает В.Л. Бурцев, историк русского революционного движения. О разоблачении Е.Ф. Азефа написано довольно много (М.А. Алданов, Б.В. Савинков, В.Л. Бурцев, Я.Л. Юделевский, Л.А. Ратаев [16–20] и др.). С 1905 г., когда партию социалистов-революционеров начинают преследовать неудачи, у Бурцева появляются первые подозрения о

том, что в организации эсеров находится провокатор.

Бурцев вспоминал: «Одну за другою я стал изучать биографию вождей, исследуя внимательно их прошлое и проникая во все мелочи их теперешней деятельности... Все без исключения казались мне безупречными, чистыми, выше всякого подозрения. Правда, я не мог отделаться от мучительной, назойливой мысли, которая с каким-то странным любопытством, почти со страхом, постоянно притягивалась к одному из них, занимавшему самое высокое, самое ответственное место в партии... Несравненный блеск его прошлых заслуг, величие тех террористических деяний, в которых он играл первенствующую роль, рассеивали, как дым, все эти злые "измышления"... Я строил различные гипотезы, изыскивал всевозможные объяснения, искал, угадывал. Моя мысль не в состоянии была оторваться от Азефа, хотя не смела его еще обвинять» [21].

Перерасти догадкам в логически связанные между собой обвинения помогли сведения, которые предоставил Бурцеву М.Е. Бакай, помощник начальника Варшавского охранного отделения. В мае 1905 г. он пришел к Бурцеву в редакцию «Былого» и выразил желание «быть чем-нибудь полезным освободительному движению» [22]. С тех пор Бакай стал сотрудничать с Бурцевым. Он поделился с ним значительным количеством секретной информации: рассказал о принципах проведения перлюстрации в так называемых «черных кабинетах», о применении методов провокации, о секретах филерской слежки, но, пожалуй, самым важным из всего сообщенного Бакаем были сведения о некоем Раскине — тайном агенте, внедренном полицией в партию эсеров. Путем сопоставления уже имеющейся информации и данных Бакай осенью 1908 г. Бурцевым были выдвинуты обвинения против Е.Ф. Азефа в том, что последний является секретным сотрудником Департамента полиции. Однако партия устроила суд не над провокатором, а над Бурцевым, обвинив его в клевете. Судебный процесс был назначен на осень 1908 г. Азеф на него не явился. Руководители партии В.М. Чернов и Б.В. Са-

винков выступили с пламенными речами в оправдание Азефа. Главными аргументами, которые предоставила обвиняющая сторона, были непоколебимо «чистая» биография Азефа и факты его успешной террористической деятельности. Позднее, на заседании Государственной думы в феврале 1909 г., министр внутренних дел П.А. Столыпин с не меньшей уверенностью пытался убедить депутатов в обратном.

Все доказательства, выдвигаемые Бурцевым, либо подвергались насмешке, либо не принимались во внимание. Вера в предателя была слишком велика у всех: у рядовых членов ее можно сравнить с сакральной, а для руководителей признать предательство Азефа означало подорвать свой авторитет в партии, так как именно они непосредственно работали с Азефом, а значит, и ответственность за его измену нести должны были они — В.М. Чернов, Б.В. Савинков, В.Н. Фигнер, Г.А. Гершуни, А.А. Аргунов и другие члены центрального комитета партии социалистов-революционеров (ЦК ПСР).

Но у Бурцева был одно доказательство, которое заставило усомниться в честности Е.Ф. Азефа даже самых преданных его соратников. Незадолго до судебного процесса историк встретился с бывшим директором Департамента полиции А.А. Лопухиным, от которого получил сведения о том, что секретный агент по кличке Раскин и Азеф — одно и то же лицо. В декабре 1908 г. эта информация была проверена членами ЦК ПСР А.А. Аргуновым, Б.В. Савинковым и В.М. Черновым: Лопухин лично подтвердил им, что знаком с Азефом как с секретным сотрудником полиции. Последним фактом, окончательно подорвавшим доверие к руководителю боевой организации партии социалистов-революционеров, стало расхождение между утверждением Азефа о своем пребывании в Германии около недели в конце ноября 1908 г. и сообщением эсера В.О. Фабриканта из Берлина о том, что Азеф в Германии не останавливался. Более того, в руки революционеров попало письмо А.А. Лопухина к П.А. Столыпину, в котором утверждалось, что в данный период провокатор приходил домой к бывшему началь-

нику Департамента полиции, умоляя не выдавать его товарищам по партии. После этого в высших рядах партии не осталось сомнений в предательстве их соратника, однако еще две недели ЦК не решался предъявить обвинения провокатору. Лишь 5 января 1909 г. Савинков, Чернов и Ян Бердо явились к Азефу домой и предъявили документ с доказательствами его «двойной игры». Провокатору было дано время до утра, чтобы сознаться во всем чистосердечно. Это время он использовал для того, чтобы сбежать в Германию, где поселился в 6-комнатной квартире со своей любовницей и жил вполне безбедно. 12 июня 1915 г. он был выслежен германской контрразведкой и попал в тюрьму. Азеф вышел на свободу лишь после Октябрьской революции, но с очень подорванным здоровьем, и умер в Берлине 24 апреля 1918 г.

Интересным представляется тот факт, что никто из членов ЦК не лишился своего места. Дело Азефа носило для партии социалистов-революционеров неоднозначный характер. С одной стороны, с его помощью революционеры смогли обвинить в применении провокации как систематического метода не только русскую политическую полицию, но и правительство. Нелегальная революционная пресса демонизировала Азефа, преувеличивая его преступления. История Азефа получило и другое название — «азефовщина», которое сразу же приобрело нарицательный смысл. Огласка провокаторской деятельности Азефа сильно подорвала авторитет как полиции, так и самого правительства. Не только Россия, но и вся Европа наводнились слухами о беспринципном русском провокаторе. С другой стороны, азефовское дело сильно ослабило партию социалистов-революционеров. Среди членов партии прокатилась волна самоубийств: если Азеф оказался провокатором, то вся деятельность рядового эсера не просто теряла смысл, получалось, что революционер прожил неправильно всю свою жизнь. Террор был временно прекращен, и в партии воцарилась настоящая шпиономания: провокаторов стали видеть в каждом. Все эти события очень дестабилизи-

ровали партию, и ей понадобилось несколько лет на восстановление.

В феврале 1909 г. министр внутренних дел П.А. Столыпин отвечал на запросы № 51 и 52 в Государственной думе по делу Е.Ф. Азефа. Он заявил, что Азеф являлся рядовым секретным сотрудником, что он не только не возглавлял боевую организацию эсеров, но и не входил в ее состав до 1906 г., а получал сведения от людей, участвовавших в БО [23]. Как уже было отмечено выше, данные заявления прозвучали скорее как попытка оправдать себя и правоохранительные органы. В принципе, речь П.А. Столыпина так и была воспринята общественностью.

При том, что деятельность Азефа нанесла огромный вред партии социалистов-революционеров, нельзя сказать, что она принесла пользу и государству. Безусловно, агентурная и провокаторская деятельность Е.Ф. Азефа была полезна его начальнику с 1905 г. А.В. Герасимову, который благодаря Азефу практически возглавил политический сыск в России, несмотря на то, что являлся лишь начальником столичного охранного отделения [24]. Деятельность Азефа была необходима и П.И. Рачковскому, начальнику заграничной агентуры, который достиг такого влияния, что пользовался правом адресовать свои доклады лично императору. Был Азеф нужен и С.В. Зубатову, который впоследствии был переведен из Московского охранного отделения в начальники Особого отдела Департамента полиции.

Однако на общее состояние революционного движения азефовщина оказала больше положительное, нежели отрицательное влияние. Дело Азефа подорвало авторитет правительства и укрепило его у партий левого крыла Государственной думы.

Таким образом, полиция руками Азефа содействовала созданию партии социалистов-революционеров, а также превращению террора в центральный системный метод партии. Можно сказать, что полиция изначально создала себе работу, для того чтобы впоследствии ее выполнять. Поэтому Е.Ф. Азеф стал своего рода олицетворением кульминации применения политической

провокации как метода русской полиции. Его дело показало, насколько опасной может стать провокация, если ей сильно увлечься и выпустить из-под контроля.

Литература

1. Бурцев В.Л. В погоне за провокаторами. М.; Л.: Молодая гвардия, 1928. 279 с.
2. Павлов П.Е. Агенты, жандармы, палачи. Былое, 1922. 78 с.
3. Жухрай В.М. Тайны царской охраны: Авантюристы и провокаторы. М.: Политиздат, 1991. 333 с.
4. Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649 – 1917. СПб.: Час Пик, 1992. 413 с.
5. Лучинская А.В. Великий провокатор Евно Азеф. М.: Радуга, 1923. 128 с.
6. Щеголев П.Е. Охранники и авантюристы. М.: Изд-во политкатержан, 1930. 160 с.
7. Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917 / пер. с англ. Е. Дорман. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. 448 с.
8. Овченко Ю.Ф. Провокация на службе охраны // Новый исторический вестник: сб. ст. М., 2003. С. 35-37.
9. Прайсман, Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М.: РОССПЭН, 2001. 432 с.
10. Николаевский Б.И. Конец Азефа. Л.: ГИЗ, 1926. С. 76.
11. Письма Азефа. 1893–1917 / сост. Д.Б. Павлов. М.: Терра, 1994. С. 14.
12. Гейфман А.В. сетях террора: Дело Азефа и русская революция / пер. с англ. И. Давидян. М.: АИРО-XX, 2002. 256 с.
13. Николаевский Б.И. История одного предателя. М.: Высш. школа, 1991. С. 54.
14. Герасимов А.В. На лезвии с террористами. Париж, 1985. С. 26.
15. Устав Боевой организации эсеров [Электронный ресурс] // Российский правовой портал: библиотека Пашкова: URL: <http://constitutions.ru/?p=1549> (дата обращения: 28.03.2017).
16. Алданов М.А. Собр. Соч. в 6 т. М.: Правда, 1991. Т. 6. 585 с.
17. Савинков Б.В. Избранное. М.: Новости, 1990. 432 с.
18. Бурцев В.Л. Как я разоблачил Азефа. Из воспоминаний. М.: Директ – Медиа, 2016. 121 с.
19. Липин А. (Юделевский Я.Л.). Суд над азефщиною: изд. парижской группы социалистов-революционеров. Париж, 1911. 119 с.
20. Ратаев Л. А. История предательства Евно Азефа. М.: Директ – Медиа, 2016. 142 с.
21. Лонге Ж., Зильбер Г. Террористы и охранка. М.: Сов. Россия, 1991. С. 27-28.
22. Бурцев В.Л. В поисках за материалами по истории русского освободительного движения // Былое. Париж, 1908. № 7. С. 131-138.
23. Столыпин П.А. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете 1906–1911. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 188–207.
24. Мойсинович А.М. Политический сыск в России в конце XIX – начале XX в. Ярославль: ЯрГУ, 2010. С. 69.
25. Бурцев В.Л. В поисках за материалами по истории русского освободительного движения // Былое. Париж, 1908. № 7. С. 131-138.